Мучитель церкви

Нан Голдин на Осеннем фестивале

Коммерсант. - 2004. - 27 октября. - с. 21

современное искусство инсталляция

В Париже проходит традиционный Осенний фестиваль, в программе которого соседствуют театр, кино, музыка и выставки современного искусства. Одним из ярких событий фестиваля стало произведение американской художницы Нан Голдин «Сестры, святые, сивиллы». Рассказывает ИРИНА КУЛИК.

Под сводами церкви госпиталя Сальпетриер гулко разносится «Аллилуйя» — правда, в неканонической и совершенно неожиданной в стенах действующего храма версии: молитвенное «Славься» выводит Ник Кейв в качестве припева одной из своих недавних песен. Ника Кейва сменяют то Леонард Коэн, то Джонни Кэш, то Jefferson Airplane. Пронзительнейшие рок-баллады всех времен и народов доносятся из выгороженного посреди храма черного бокса.

Увидеть инсталляцию Нан Голдин можно только в строго расписанные сеансы. Поднявшись по узенькой лестнице на трибуну под самым потолком центральной части храма, зрители с оторопью обнаруживают, что они не одни. Внизу, в самом центре круглого и глухого зала, на больничной койке, неведомо как оказавшейся здесь, обреченно лежит женщина с лицом самой Нан Голдин. Вокруг и под кроватью разбросаны жестянки колы, на тумбочке лежит плеер с наушниками, а на полу валяется потрепанная книжка. Восковая фигура с разметанными по изголовью длинными волосами и обнаженной грудью напоминает не только о статуях со средневековых надгробий, но и о старинных пациентках госпиталя Сальпетриер, в котором учитель Зигмунда Фрейда профессор Шарко некогда открыл явление женской истерии.

Церковь Сальпетриер является одной из самых эффектных, но и самых требовательных парижских выставочных площадок: уж слишком ко многому обязывает и аскетично-монументальная архитектура, и богатая всевозможными аллюзиями история места, и сам статус действующего храма. Когда несколько лет назад в Сальпетриере показывали видеоинсталляцию Билла Виолы «Стихии», за чувства верующих можно было не опасаться. Прославленный американский видеоартист известен своим крайне вдумчивым и бережным отношением к христианской иконографии. Но вот от Нан Голдин с ее бескомпромиссно-реалистическими фотографиями всевозможных маргиналов, с привычкой показывать свои слайдфильмы (с непременным роковым саундтреком) в ночных клубах и с далекой от благонравности биографией, где в полной мере присутствуют sex, drugs & rock-n-roll, трудно было ожидать трепетного отношения к церковным стенам. Да и христианство вряд ли особенно близко художнице из еврейской семьи.

Но первые же слайды, высветившиеся триптихом наподобие отсутствующих в Сальпетриере витражей, оказались репродукциями средневековой живописи, посвященной житию святой Варвары — тайной христианки, заточенной в башне и казненной собственным отцом-язычником. Мученичество христианской святой оказывается эпиграфом к трагической истории старшей сестры художницы — Барбары Голдин, с 14 лет постоянно содержавшейся в психиатрических клиниках и закрытых школах, а в 18 лет покончившей жизнь самоубийством. Семейный психиатр предрек, что такая же участь, возможно, ожидает и саму Нан. Когда Барбара покончила с собой, Нан Голдин было 11 лет. В 14 она ушла из дома. А в 18 лет, в том возрасте, в котором Барбара свела счеты с жизнью, Нан Голдин начала фотографировать. Но освобождения от призраков домашней трагедии и от тирании родителей пришлось искать не только в искусстве, но и в наркотиках. Так что самой Нан не раз пришлось побывать в больничном заключении.

Всю эту историю, о которой решится написать не всякий критик творчества художницы, мы узнаем от нее самой. Это ее голос сопровождает слайдпроекцию: чопорный семейный фотоальбом 1950-х, снимки хиппи, наркоманов, травести — друзей маргинальной юности Нан Голдин, душераздирающие кадры, запечатлевшие художницу на больничной койке (той самой, подобие которой стоит посреди церкви), со свежими бинтами на руках, которые она сама прижигала сигаретой. А к бесстрастному голосу художницы будут примешиваться то матерные ругательства, произнесенные голосом девочки-подростка, то вопли и звон разбитой посуды, сопровождающие домашние скандалы, то великие рок-баллады, звучащие как настоящие, стоящие выше всех конфессиональных различий, молитвы по всем мученицам и страдалицам, будь то святая Варвара, Барбара Голдин или сама художница.

Автобиография, тем более столь драматическая,— жанр крайне рискованный. Но в «Сестрах, святых, сивиллах» нет ни эксгибиционизма, ни жалости к себе, ни самобичевания. Агиографические аллюзии не кажутся ни позерством, ни провокацией. Вопреки мифологии места, в показанной в Сальпетриере работе нет ни грана истерии. Даже восковая кукла не отдает взвинченной театральностью, скорее это некий анатомический муляж, при помощи которого художница, выступающая здесь не пациентом, но клиницистом, объясняет симптомы своей боли и способы преодолеть ее. Предельная откровенность Нан Голдин не оборачивается нарциссизмом, художница действительно говорит не о себе, но обо всех и каждом, превращая историю своей семьи в нечто столь же общечеловеческое, что и христианский миф о святой Варваре.

Нан Голдин никогда не боится показать зрителю свое лицо. «Нан через месяц после побоев» из собрания Tate Gallery